

отличить тех, кто сподобится достичь Святого Грааля, он отвечал: «Три белых быка исполнят этот подвиг, и двое будут непорочны, а третий чист. И один из тех троих превзойдет отца своего, как лев превосходит леопарда, и силою, и бесстрашием» [18].

ЛИТЕРАТУРА

1. The Concise Oxford Companion To English Literature. Oxford University Press., 1987. P. 601.
2. Элиот Т. С. «Улисс», порядок и миф // ИЛ. 1988. № 12.
3. Weston J. L. From Ritual To Romance. Gloucester, Mass.: Peter Smith, 1983. P. 159.
4. Ibid., P. 125.
5. Элиот Т. С. Бесплодная земля. М., 1971. С. 48. Здесь и далее поэма цитируется в переводе А. Сергеева.
6. Там же. С. 55.
7. Там же. С. 63.
8. Там же. С. 63.
9. Паунд Э. Традиция // Э. Паунд. Избранные стихотворения. СПб.; М., 1992. С. 68.
10. Элиот Т. С. Бесплодная земля. С. 47.
11. Там же. С. 49.
12. Фрэзер Д. Золотая ветвь. М., 1980. С. 394.
13. Weston J. L. From Ritual To Romance. P. 51.
14. Элиот Т. С. Избранная поэзия. Поэмы, лирика, драматическая поэзия. СПб., 1994. С. 418.
15. Weston J. L. From Ritual To Romance. P. 80.
16. Ibid. P. 38.
17. Элиот Т. С. Бесплодная земля. С. 60.
18. Мэлори Т. Смерть Артура. Кн. 3. М., 1991. С. 40.

*Ирина Советовна КАРАБУЛАНОВА —
доцент кафедры общего языкознания
филологического факультета,
кандидат филологических наук*

УДК: 801.313.1

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ ВОСПРИЯТИЯ СУБСТРАТНОЙ ТОПОНИМИИ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена восприятию субстратных топонимов современными носителями русского языка и выявлению особенностей ассоциативных полей нерусской по происхождению топонимии. Анализ осмысления того или иного топонима основан на создании некой ментальной модели содержания слова, которая включает в себя знания о мире в целом. Разнообразные ассоциативные ряды и источники так или иначе способствуют сохранению в оперативной памяти оригинальной субстратной топонимии региона.

The article is devoted to perception of substratumus toponyms by up-to-date native speakers of Russian and associative fields peculiarities exposure. As it is

proved by the author, comprehension analysis of this or that toponym is based on the creation of some mental model of word content, which includes knowledge about the world on the whole, over-stepping the limits of the word to be analysed, that promotes reservation of original region toponomy in operative memory of the native speaker.

Исследование вербальных ассоциаций имеет давнюю научную традицию. Типы связей между словами впервые специально исследовал Аристотель, обратив внимание на «ассоциацию идей», не обусловленную логическими законами (Аристотель, 1983). Аристотель предложил классификацию ассоциаций, представляющую собой универсальные принципы связей между словами или образами. Универсальной автор называет прежде всего причинно-следственную связь, а также связи, установленные на основе внешнего или внутреннего сходства, противопоставления, пространственной или временной смежности объектов. Аристотелевская классификация остается базовой для всех последующих типологий ассоциативных структур в мышлении и языке.

Однако сам термин «ассоциация» впервые предложен у Дж. Локком, противопоставившим ассоциации связям на основе разума. Анализируя «ассоциации идей» (понятий, образов) отдельно от языковой формы их выражения, Локк понимал ассоциации гораздо уже, чем Аристотель. Начиная с Локка, в философии закрепляется традиция изучения прежде всего «ассоциаций идей», а не слов (Шеварев, 1959). Принятое в философии представление об ассоциациях было освоено и психологией: у психологов также преобладали представления об ассоциациях идей или образов, относительно независимых от способа их воплощения средствами определенного национального языка. Начало широкому изучению ассоциаций было положено школой психоанализа, трудами З. Фрейда, К. Юнга (Лейбин, 1990).

Давний интерес к вербальным ассоциациям в лингвистике обусловлен самой природой языкового значения. Слово как знак объекта связано со своим обозначаемым прежде всего по ассоциации. Внедренное В. фон Гумбольдтом понятие внутренней формы языка как способа отражения и членения мира позволяет не только установить взаимодействие отдельной лексемы и обозначаемого объекта, но и соотнести языковую «картину мира» и действительность, ее отражение в сознании говорящего, поскольку «... язык — это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» (Гумбольдт, 1984, с. 304). Таким образом, мотивированность знака по отношению к «внутреннему миру человека» — это осознание и выражение в языковой материи признака, положенного в основу обозначения объекта, говорящим. Мотивированность знака в сознании говорящего обусловлена системностью языка: каждый фрагмент языковой картины мира взаимосвязан с целым и зависим от него.

В языкознании уже отмечено, что более значимым, чем понятийное ядро, для функционирования слова является коннотативный компонент значения, который включает «характеристики эмоционального, оценочного и собственно семантического характеров» (Кузнецова, 1989, с. 27). В лингвистической интерпретации вербальных ассоциативных связей преобладает интерес к семантической стороне ассоциаций, связанный с решением проблемы значения слова, семантического поля, моделирования словаря, созданием тезаурусов (Караулов, 1976; Телия, 1986 и др.). Действительно, ассоциации позволяют вскрыть ненаблюдаемые процессы формирования семантики и взаимодействия единиц национального словаря в синхронии и диахронии.

Способы ассоциирования являются одними из основных для языкового сознания и деятельности мозга (Жинкин, 1958). Вслед за Н. И. Жинкиным, А. А. Залевская утверждает, что ассоциации обеспечивают «физиологию языка», поскольку «физиологический механизм, запоминающий язык, не может быть другим, чем ассоциативная коммутация нейронных цепей» (1988, с. 25). Ассоциативные компоненты мышления характеризуются, как известно, неподчиненностью намерению и произвольностью связывания друг с другом, потому что относятся «к предметным элементам и к тем линиям возможных взаимосвязей между ними, которые зависят прежде всего от частоты встречаемости соответствующих сочетаний... а не специфики активной деятельности самого субъекта» (Веккер, 1976, с. 104).

В отечественной психолингвистике формула для измерения степени вхождения слова-стимула в семантическое поле слова-реакции была предложена в свое время Ю. Д. Апресяном (1963, с. 130). В настоящее время нет оснований сомневаться в том, что свободный ассоциативный эксперимент (суть его заключается в том, что испытуемому дается слово-стимул и предлагается реагировать на это слово первым «пришедшим в голову» словом или словосочетанием) может служить ценным источником информации при попытках исследовать психологические эквиваленты «семантических полей» и вскрыть объективно существующие в психике носителя языка семантические связи слов. Уже это делает ассоциативный эксперимент значимым и интересным не только для психологов и психолингвистов, но и для собственно лингвистов, занимающихся семантикой.

Массовый ассоциативный эксперимент позволяет давать для любого связанного сочетания количественную характеристику, отражающую его субъективную значимость для говорящих на русском языке и в то же время вполне объективную. Нами были получены на 1267 стимулов, представляющих собой в основном субстратные топонимы юга Тюменской области, различные реакции, отражающие многозначность слова. В данном эксперименте участвовало 153 человека.

При анализе слов-реакций были предприняты попытки выявления ассоциативных связей. Глубинной ассоциативной связью характеризуются последовательности на основе ситуативной смежности. Так, например, в пределах одной ситуации чаще всего актуализируются связи «носитель действия — объект действия» (типа: Абак — кабак) и «объект действия — ситуация действия» (типа: Островки — тюрьма). Еще Д. Юм выделял три этапа перехода от одной идеи к другой: по сходству, по смежности в пространстве или во времени, по связи причины и действия (подробнее см.: Шевырев, 1959). Смежность в пространстве или во времени коррелирует с обеими глубинными структурами. Связь причины и действия соотносима со структурой «объект действия — носитель действия» в тех случаях, когда предполагается, что носитель может вызвать своим действием изменение объекта.

Традиционно в ономастической литературе считается, что субстратные топонимы функционируют в качестве квазислов. Однако при восприятии субстратной топонимии смысл выступает как результат творческого интерпретационного процесса. Различия между культурами (порождающей и заимствующей) приводят к актуализации различных частей анализируемого онима, при сравнении слов-реакций монолингвов и билингвов выявляются особенности восприятия субстратных топонимов. Так, реакции билингвов показывают высокую проницаемость метакоммуникативных средств из одного языка в другой. Очевидно, это можно связать с интересным фактом, обнаруженным нейролингвистами. Речь идет об исключительно левополу-

шарной локализации метаязыковых и, возможно, метакоммуникативных функций даже в тех случаях, когда второй язык локализуется в правом полушарии.

В современных работах по исследованию ассоциаций, в том числе и вербальных, ассоциации по сходству интерпретируются в зависимости от осознания для установления сходства. На основе внешних признаков объектов возникают реакции по звуковому сходству слов: *Гаутамак* — Гаутама, гамак; *Согра* — кобра, *Релка* — белка. Благодаря внутреннему сходству, установленному индивидом по достаточно сложным и не всегда ясным основаниям, появляются Р-символы: *Чилинцы* — Адриано Челентано; *Таволжан* — Волгаматушка; *Чаглы* — старец, *Баян* — «Слово о полку Игореве». Особый статус ассоциаций по сходству объясняется, на наш взгляд, тем, что этот вид ассоциирования лежит в основе формирования наиболее распространенных видов переносных значений слова — метафоры и метонимии (Зубова, 1989). Таким образом, ассоциации по сходству отражают глубинные связи, но разные основания для установления сходства соотносятся с разными уровнями как внутреннего лексикона, так и психики респондентов.

Если попытаться локализовать сам механизм ассоциирования, то следует отметить, что специалистами по психологии изучалось его действие в подсознании и бессознательном (о соотношении бессознательного и подсознания см.: Лейбин, 1990). Функционирование вербальных ассоциаций в подсознании заключается в том, что они представляют собой особую подсистему, гарантирующую одновременно концентрацию внимания на идее и ее осознание (Форестер, 1980, с. 43). Однако не все исследователи психоанализа, гипноза и психотерапии придают большое значение осознанию болезненных конфликтов и их вербализации, скептически оценивая исключительность речи в качестве лечебного фактора (Шерток, 1991, с. 246; Налимов, 1991). Однако даже наш топонимический материал позволяет «нащупать» внутренние конфликты респондентов: *Баян* — шприц (у наркомапов); *Попов Увал* — Игорь дурной; *Никишино* — «Ауди» противный; *Тарнаколь* — шприц медицинский; *Яровское* — Валя гулящая. Л. Шерток не отрицает роли ассоциаций в осознании и вербализации фактов подсознания, а отказывает «свободному обмену словами» в способности лечить человека (там же, с. 247), т. е. слово со всеми ассоциативными связями является только инструментом перевода в сознание конфликтной, аффективной информации, но не средством устранения самого аффекта.

На сегодняшний день получены определенные результаты относительно локализации зон ассоциирования (Деглин, Балонов, Долинина, 1983). Правое полушарие мозга, перерабатывающее конкретную информацию, обычно продуцирует синтагматические реакции, «логичное» левое — системные парадигматические реакции. Однако при внимательном рассмотрении синтагматические ассоциации правого полушария строятся не столько на основе языковой компетенции, сколько на основе «сосуществования» обозначенных словами объектов или явлений реального мира (типа: *Малый Састоу* — застой коммунистический; *Абакшиха* — толстая женщина в цветастой юбке в кабаке). Правое полушарие оперирует иконическими знаками, и подобные реакции основываются на образном представлении некоторой ситуации, оказываясь референциальными (Иванов, 1976). Левое полушарие выделяет и анализирует глубинные структуры стандартных (типичных, частотных) взаимосвязей (*Абак* — кабак, гулять, бак, еда, счеты). Выбор правополушарного или левополушарного пути ассоциирования предопределяется глобальным или поэлементным представлением объекта,

обозначенного словом-стимулом, и зависит от специфики обработки мозгом изолированного слова (т. е. слова-стимула). Анализируя результаты своего экспериментального исследования, О. П. Траченко выделяет факторы, которые определяют преимущественное участие каждого полушария в обработке слова. К ним относятся: осмысленность — бессмысленность, конкретность — абстрактность, знаменательность — служебность, производность — непроизводность, раннее — позднее появление в языке, «правополушарность» — «левополушарность» денотатов. Первые члены этих оппозиций предполагают преимущественное участие в опознании слов правого полушария, вторые — левого» (Траченко, 1976, с. 138).

Однако нельзя не отметить, что факторы «осмысленность — бессмысленность» и «правополушарность» — «левополушарность» денотатов достаточно неопределенны и размыты, поскольку возникает целый ряд вопросов при анализе заимствованных слов, особенно субстратных региональных топонимов, которые могут быть неизвестны респондентам. Кроме того, не совсем логично, на наш взгляд, разграничение фактора «полушарности» денотатов от фактора «конкретность — абстрактность», так как известно, что слова с конкретной семантикой, эмоционально-оценочными коннотациями обрабатываются правым полушарием, а абстрактная лексика — левым (Сахарный, 1989). Полагаем, что было бы интересно проследить характер отличий реакций на стимулы в зависимости от доминирования одного из полушарий.

Попытки конструирования личностной языковой типологии показывают зависимость стратегии ассоциирования от уровня языковой и профессиональной компетенции, пола и возраста испытуемых, гораздо более значимых, чем нейропсихологические характеристики индивидуума, факторов. Очевидно, что фактор «левополушарности — правополушарности» личности (т. е. предпочтение индивидуумом глобальной или поэлементной стратегии) является определяющим в процессе поиска реакций, нежели специфика слова-стимула. Анализ причин «включения» в деятельность правого или левого полушария показывает, что «... активация того или другого полушария зависит не от его реальных способностей или даже не от используемой им в данном случае стратегии переработки информации, а скорее от того, что, по его мнению, оно может сделать» (Леви, 1976, цит. по: Блум, Лейзерсон, Хофстедтер, 1988, с. 186).

На сегодняшний день говорить о четко локализованном механизме ассоциирования еще рано, однако ясно, что вербальные ассоциации подчиняются тем же законам, что и все ассоциативные связи человеческой психики, поэтому довольно проблематична сама возможность строгого описания механизмов ассоциирования и типологии реакций только на базе нормативных данных.

В ходе осмысления того или иного топонима индивид создает такую ментальную модель содержания слова, которая включает в себя знания о мире в целом, выходящие за пределы анализируемого слова. Таким образом, нельзя не согласиться с А. А. Залевской, которая утверждает, что «на самом деле механизм ассоциирования обеспечивает человеку возможность увязывания многих, казалось бы, не имеющих друг к другу отношения, объектов по величайшему разнообразию оснований на разных уровнях функционирования единой сенсорно-когнитивно-эмоциональной системы (памяти). С этой точки зрения вербальные ассоциации отражают лишь результаты доступа через слово к информационному тезаурусу индивида, за ними лежит многогранный опыт (чувственный и рациональный, индивиду-

альный и социальный), обеспечивающий «выход» на картину мира во всем многообразии связей и отношений, свойственных последнему» (Залевская, 1988, с. 33). Гибкость ассоциативных связей порождает неожиданные сочетания элементов обработанного знания (руч. Незамая — низорал, не замай, не май, не замарай, месяц май; р. Лекан — лекало). Полагаем, что механизмы ассоциирования, обеспечивая расширение имеющихся когнитивных структур и их хранение в памяти, провоцируют эвристические стратегии осмысления и анализа поступающей информации.

Итак, ассоциативные структуры являются одной из форм отражения взаимосвязей объектов реальности. Благодаря произвольности, ассоциирование не только отражает реально существующие, но и устанавливает новые, значимые для индивида связи топообъектов, объектов, идей. Можно выделить два основных механизма ассоциирования: глобальное правополушарное и поэлементное левополушарное. Устойчивость проявления того или иного механизма ассоциирования при реагировании на различные слова-стимулы формирует индивидуальную ассоциативную стратегию — «привычный» для индивида поиск реакций. Кроме того, чем меньше контроль сознания, тем больше информации об индивиде содержат ассоциативные ряды и цепочки. Действие механизмов ассоциирования в бессознательном и подсознании реализуется через опосредованность реакций, интимность ассоциаций, их ориентацию на чувственный индивидуальный опыт.

Таким образом, попытки современных носителей русского языка как-то осознать и осмыслить доставшееся в наследство от предыдущих поколений топонимическое богатство приводят к возникновению разнообразных ассоциативных рядов и цепочек, способствующих так или иначе сохранению в оперативной памяти оригинальной субстратной топонимии региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики // Проблемы структурной лингвистики. М., 1963.
2. Аристотель. Поэтика. Собр. соч.: В 4 т. М., 1983.
3. Блум Ф., Лейзерсон А., Хофстедтер Л. Мозг, разум, поведение. М., 1988.
4. Веккер Л. М. Психологические процессы: В 4 т. Т. 2. Л., 1976.
5. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
6. Деглин В. Л., Балонов Л. Я., Долинина И. Б. Язык и функциональная асимметрия мозга // Труды по знаковым системам. Вып. 635. Т. 16. Тарту, 1983.
7. Жинкин Н. И. Механизмы речи. М., 1958.
8. Залевская А. А. Понимание текста: психолингвистический подход. Калинин, 1988.
9. Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой. Л., 1989.
10. Иванов Вяч. Вс. Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976.
11. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976.
12. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. М., 1989.
13. Лейбин В. М. Психоанализ и современная западная философия. М., 1990.
14. Налимов В. В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. М., 1991.
15. Сахарный Л. В. Введение в психолингвистику. Л., 1989.
16. Теля В. П. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
17. Траченко О. П. О факторах, определяющих латерализацию восприятия слов. Нейропсихологический анализ межполушарной асимметрии мозга. М., 1986.
18. Шеварев П. А. Обобщенные ассоциации в учебной речи школьника. М., 1959.